

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Перовой Марины Андреевны «Детская повседневность Советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Обращение к проблемному полю истории повседневности, начиная с последней трети XX века и до настоящего времени, отражает стремление исследователей соотнести масштабы коллективного и индивидуального, глобального и локального, универсального и уникального, показать рядового человека как субъекта истории. Статус нового направления уже закреплен в терминологическом арсенале современного историка на уровне профессионального научно-справочного издания (См.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. / Втор. изд., испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина – М.: Аквилон, 2016. С.202-203). Здесь же представлен процесс рождения и развития истории повседневности в качестве одной из самостоятельных областей изучения прошлого и одновременно нового метода научного поиска.

Соискатель вполне оправданно связывает актуальность изучения детской повседневности с возможностью представить ребенка в качестве субъекта исторического процесса. Она предлагает рассматривать это и соответственно тему диссертации в контексте проекта создания «нового» советского человека. Дополнительной аргументацией научной актуальности темы диссертационного исследования для М.А. Перовой становится обращение к историографии детства с акцентом на значительное расширение в первые десятилетия XXI века массива диссертационных работ и опубликованных монографий.

Цель исследования сформулирована на с.12 рукописи диссертации следующим образом: «выявить особенности повседневной жизни советских детей как необходимого условия формирования “советского человека” – одного из факторов становления и существования тоталитарного общества - на материалах Курганского и Шадринского округов». Признавая такую авторскую постановку цели имеющей право на существование, не могу не отметить её дискуссионный характер, связанный с жесткой интерпретацией «советского проекта» как заданной изначально ориентации на создание тоталитарного общества. Несомненно, право исследователя на выбор своей теоретико-методологической модели в исторической науке было пролонгировано именно в 1990-е гг. и не оспаривалось в дальнейшем. Оно было одобрено исследовательским сообществом в первые годы XXI века (См.: Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы /Под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 608 с.; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011).

Соискатель характеризует свою исследовательскую модель как соединение подходов истории повседневности и методов микроистории (с.15-17). Она оговаривает, что для реконструкции соотношения повседневной рутины детской жизни и необычных ситуаций необходимо обращение к региональным источникам (с.16). Однако она не уточняет, к каким именно. Замечу, что источниковая база диссертационного исследования М.А. Перовой достаточно разнообразна, хотя и ограничена преимущественно письменными/вербальными текстами. Помимо опубликованных нормативно-правовых документов, отражающих официальную политику советской власти, из трех местных архивохранилищ ею просмотрены 18 фондов и выявлено 58 дел с документами, относящимися к теме диссертации. Привлечены как опубликованные воспоминания, так и записи, созданные автором. Проведен фронтальный просмотр местной газетной прессы. Однако во введении характеристика источниковой базы

занимает почему-то крайне скромное место (с.13-15), обходя проблемы достоверности и репрезентативности раннего советского делопроизводства, не показывая массив обнаруженных публикаций в периодической печати. Не совсем понятно, почему не привлекались визуальные источники и музейные материалы.

Поставленная цель и предложенные для ее реализации 5 задач (с. 12). стали композиционным основанием для построения основной части диссертационного исследования. Отсюда появились 3 главы с 9-ю параграфами. При этом текст между содержанием глав распределен достаточно пропорционально и коррелируется с формулировками поставленных задач и основных положений, выносимых на защиту (с. 17-19).

Вместе с тем первая глава «Дети и детство в проектах государственной власти» с 4-мя параграфами (с.20 – 81) производит впечатление гораздо большего интереса соискателя к формам/способам воздействия власти/подавления личности ребёнка («дети основной материал для создания «нового советского человека», основной объект идеологического воздействия»), чем внимание к реальной детской повседневности. Последней отведено содержание второй главы «Пространство детской повседневности в советской провинции (на материалах Курганского и Шадринского округов)» с 3-мя параграфами (с.81-176). В них даны три измерения реалий детской повседневности: семейная (частная сфера), пространство детских домов и образовательных учреждений (государственная сфера в двух вариантах). Третья глава «Практики детской повседневности (на материалах Курганского и Шадринского округов)» в двух параграфах призвана по замыслу соискателя показать соотношение идеологических установок власти и способов их внедрения в деятельность детей с достигаемыми результатами.

Вернемся к задачам и отметим, что в качестве первой предложено «определить отношение государственной власти к детям путем анализа законодательных актов, регулирующих семейную жизнь, образование, систему призрения детей, детский труд, поведение детей». Сразу же можно

констатировать достаточно успешную реализацию этой задачи в рамках главы 1. Здесь автор опирается на представительный массив нормативно-правовых актов и показывает декларируемые признаки советского проекта по созданию «нового человека», в том числе, по отношению к детям как возможным субъектам строительства нового общества (1.1-1.3). При этом соискатель отмечает, что 1920-е гг. были временем утопических экспериментов, не опиравшихся на анализ реальной ситуации в РСФСР в целом и особенно в провинции. Введение данных делопроизводственных материалов из местных архивохранилищ усиливает вывод о расхождении желаемого и реального. В то же время фрагмент 1.4 данной главы требует, на мой взгляд, более глубокого осмысления феномена педагогики и педологии 1920-х гг., в том числе наследия тех теоретиков и практиков, которые не были поняты властью и подверглись критике (среди них С.Т. Шацкий, П.П. Блонский, А.С. Макаренко). Несколько удивило, что взгляды и подходы Н.К. Крупской даются соискателем по работам М.В. Гавриловой (с.73-74).

Вторая задача «выяснить на основе анализа общественного мнения и реального положения детей в семье, школе, пенитенциарных учреждениях, насколько реальность соответствовала или противоречила декларируемому образу детства» частично раскрывается в параграфе 1.2 через показ действий власти по отношению к беспризорникам. Однако локальные реалии этой проблемы показаны во всей неприглядности состояния детских домов и школ-коммун с помощью введения в научный оборот неопубликованных материалов по состоянию учреждений призерия Курганского и Шадринского округов (глава 2, параграф 2.2). Отметим уникальный феномен – деятельность Илецко-Иковской детской трудовой коммуны, основанной летом 1924 г. (с.129-138). Соискатель, опираясь на анализ архивных документов, характеризует эту коммуну как интересный пример синтеза сельскохозяйственной, производственной коммуны и детского образовательно-исправительного учреждения, а также как одновременного педагогического, идеологического и хозяйственного успешного

эксперимента и как пути детского учреждения от коммунального хозяйства до подросткового совхоза (с.136). При прочтении этого фрагмента возникает закономерный вопрос: а кто были инициаторы создания этой коммуны и её активисты? Были ли среди них педагоги, знакомые с другими похожими экспериментами?

Результаты решения заявленной третьей задачи «реконструировать условия, в которых протекала детская жизнь, и выявить влияние пространства повседневности на становление характера и поведенческих установок детей и подростков» представлены в главе 2. Заслуживает внимания предлагаемая М. А. Перовой типология семей (5 типов, с.104-106) и акцент на то, что каждый из них создавал свое семейное пространство, отсюда важный вывод о семейном пространстве как многоуровневом при определении его роли в формировании детской повседневности.

Четвертая задача «выявить место пионерской организации и общественно-политической активности в повседневной жизни детей» (глава 3, 3.1) также может считаться успешно решенной, поскольку и в этой форме воспитания «нового человека» приведенные материалы отразили явное расхождение представлений и практик власти от восприятия этих установок детьми с их собственным миром детства. Приводимые соискателем локальные данные по округам подтверждают восприятие пионерского движения как некой игры, в которой имеют значение и личностные мотивации в большей степени, чем идеологические установки.

Последняя пятая задача «изучить на региональной источниковой базе детские повседневные практики и отношение детей к ним, отследить степень регулирования властью и взрослыми детского жизненного мира, а также влияние детей на взрослых и на представление власти об идеальном ребенке» (параграф 3.2) решалась автором, в том числе, и на использовании записей воспоминаний. Примечательны выводы соискателя относительно интересов детей к чтению, к играм, к отличиям детского досуга от предлагавшегося

«сверху». Здесь же проходит важный сюжет об отношении детей к труду, об аполитичной мотивации, связанной с «мещанской» мечтой о хорошей жизни.

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что поставленные задачи оказались реализованными, а в совокупности это способствовало выполнению намеченной цели. Расхождение между декларировавшимся проектом обеспечения идеологического стержня детской повседневности как основы для формирования «нового человека» и реалиями повседневной жизни детей в условиях 1920-х гг. оказалось столь велико, что, как считает автор, власть в части политики детства оказывалась заложником общества (с.236). В то же время заслуживает особого внимания и дальнейшей рефлексии заключительный вывод соискателя, что дети «балансируя между двумя ценностными мирами, впитывали тот и другой, формируясь в уникальных советских людей, не совпадающих с проектом власти, но также не похожих и на поколение своих родителей (с.242)».

Новизна диссертационного исследования Марины Андреевны Перовой, на мой взгляд, состоит в доказательстве принципиальной важности обращения к региональным и локальным аспектам истории детской повседневности, к специфике трех измерений её пространства и практик на ранних этапах советской истории, а также в вышеприведенных выводах относительно существенного расхождения между утопическими проектами политики по отношению детства и реальным миром жизненных интересов и ценностей детей.

Таким образом, поставленные цель и задачи соискателю удалось выполнить. Вынесенные на защиту положения вполне обоснованы. С помощью историко-сравнительного метода (проводилось сравнение ситуации 1920-х и 1930-х гг.) намечены перспективы дальнейших исследований советской детской повседневности в региональном срезе. В качестве рекомендации можно посоветовать обратиться к методикам новой локальной истории.

Вместе с вышесказанным хотелось бы сделать некоторые замечания.

Во-первых, далеко не все необходимые квалификационные элементы представлены во введении с достаточной степенью полноты. Особенно, как уже отмечено выше, это касается характеристики источниковой базы и методики работы с отдельными видами источников. Столь же кратко раскрывается степень изученности темы, некоторые современные исследования оказались неучтенными. Например, диссертационное исследование К.К. Ашеновой (2018), в котором предлагается разделять пространство детской повседневности на регулируемое и нерегулируемое.

Во-вторых, в теоретико-методологическом разделе нет расшифровки ключевых понятий и возрастной привязки (дети – это какая возрастная группа для власти и в реалиях 1920-х гг.?).

В-третьих, в хронологических рамках стоило оговорить, что они условны и будут расширяться для сравнительной характеристики.

В-четвертых, местные руководители школ, детских домов не персонифицированы. Они безлики. Если это не позволяли источники, следовало сделать оговорку.

В-пятых, есть технические погрешности в тексте, в подстрочных примечаниях (например, когда отсутствуют указания «цитировано по:», это относится к ссылке на Н. А. Рыбникова по Е.М. Балашову - с.180), в списке источников и литературы (например, сбой нумерации – с. 252).

Тем не менее, высказанные замечания не влияют на общее положительное впечатление от диссертации М.А. Перовой как самостоятельного законченного исследования на актуальную тему, вводящего в научный оборот важную информацию для научно-практических разработок по социальной истории России и её регионов.

Промежуточные результаты исследования соискателем были апробированы на научных конференциях, а также изложены в 21-й научной публикации, в том числе в 6 статьях в ведущих журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Считаю, что диссертация «Детская повседневность Советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов)» соответствует п.9 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ от 24.09.2013 г. №842, а её автор Перова Марина Андреевна заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Даю согласие на включение моих персональных данных в личное дело соискателя М.А. Перовой.

Рыженко Валентина Георгиевна
доктор исторических наук по специальности
07.00.09 – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования
профессор кафедры отечественной истории и
политологии
Федерального государственного бюджетного
Образовательного учреждения высшего образования
«Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»
660077, Омская область, г. Омск
Проспект Мира, 55а.
Тел. +7 (3812) 67-01-04;
email: rector@omsu.ru
14.05.2021

Подпись В.Г. Рыженко удостоверяю:
Ученый секретарь Ученого совета
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

14.05.2021
[Handwritten signature]

О.С. Рогалева